

18+

Витрий Гольденберг

ПТИЧИЙ ЯЗЫК

Стихodelии 2002-2019

Дмитрий Гольденберг

Птичий язык.
Стихотворения 2002–2019

«Издательские решения»

Гольденберг Д.

Птичий язык. Стихотворения 2002–2019 / Д. Гольденберг —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-557243-1

Нельзя войти в одну и ту же реку дважды, гласит некая мудрость. Однако, в поток сознания (или бессознательного) войти можно раз за разом, и тащить из этой мутной водицы рыбку своим дырявым неводом. А результаты, вот они! Эта книга содержит «Птичий язык» и «Мир наизнанку», фактически две книги, следующие за «Иероглифом» и «Антипоэзией», изданными ранее единой книгой «Антипоэзия». Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-557243-1

© Гольденберг Д.
© Издательские решения

Содержание

1. ПТИЧИЙ ЯЗЫК	7
Аисты	8
Визит к Минотавру	9
Нить	10
Один день из жизни поэта Лизоблюдова	11
Глаза Минервы	12
Hieroglyphique	13
Креазот	14
Любовь и Ангелы. Часть I	15
Любовь и Ангелы. Часть II	16
Кубатура яйца	17
Поэма о Поэме Поэм	19
Пенсне	20
Сатир	21
Кризис жанра	23
Пятно Роршаха	24
Путь на юг	26
Театр Мажестик	27
Птичий язык	28
Минус тридцать один	29
Ключи от рая. Часть I	30
Ключи от рая. Часть II	31
Абиссинское танго	32
Лом	33
Sala Vim	35
Закрыто	36
Мениск	37
Портрет Корнелия	38
«За нитью нить...»	39
Чаепитие в Мытищах	40
Зима Стайвезанта	41
Похититель метафор	42
Хирохито	43
Муравьед	44
На пряник	45
Треугольник	46
Серебряный век	48
Старуха	49
Аффелаж	50
Анальная прислуга Люцифера	51
Буквы	52
Два весла...	53
Комментаторы	54
Не и ни	55
Пунктиром	57
Варвара и мистицизм	58

Легенда о Микки Маусе	59
Эврика	60
В раструбе	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Птичий язык Стихodelии 2002—2019

Дмитрий Гольденберг

Дизайнер обложки Ольга Третьякова

Иллюстратор Steven Kenny

Помощь в создании книги Виталий Сергеев

© Дмитрий Гольденберг, 2023

© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2023

© Steven Kenny, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-0055-7243-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. ПТИЧИЙ ЯЗЫК

2005—2011

Аисты

Tabula rasa, с первого раза тебя искроплю ли я?
Ухогорлоноса, Навуходоносора ли, Гая Цезаря Юлия?
Быстро смикитив, каким-таким силам бездейственно
потакаешь ты,
Мы наблюдаем, как дитяток в окна бросают с утра длинноногия
аишты.

Пук индульгенций зажав в кулаке, унесёмся к секретным
чертогам,
Позже – отбившись валенком от крылатых, узрим, как воспрянет
наш дух.
Знаешь, животным желаньем твоим, обращённым ко мне, я
чертовски растроган.
Жаль, что вчерашний бефстроганов на столе уж подёрнулся
патиной и безнадёжно протух.

Жаль, что проржавленные оси твоей колесницы выводят кошачьи
концерты.
Некогда завоёванные города и веси перекраивают земли стежками
новых границ.
В подлой засаде притихли объединённые заговором вражеские
контингенты,
Армия роботов, рассаженная по армаде электрифицированных
колесниц.

С первого раза не искропить ничем путным безропотно
распростёртых белых листов.
С третьего глаза никак не смахнуть набежавшей нектати слезы.
Океан неба, не имеющий ни конца ни начала,
Исполосовали бессчётные пролёты мостов.

Боддисатва, шествующий долгой дорогой по горным отрогам
Непала,
Жадно припал к отягощённому соками жизни вымени горной
козы...

Визит к Минотавру

Подкарауливая рифму, стоять на перекрестии осей.
Колоть кистенем лёд, а – кислотой дразнить гусей.
Давить прыщи на загрубевшей плоти.
Мне Саския нальёт вина, покуда Сосипатр на Сороти.

Мне Сильвия споёт о – соприкосновеньи страстных тел.
Амур пронзит мне ягодицу – одной из скорострельных
стратострел.
Мне Раджишнанд перстом укажет вход – в секретныя пенаты
Минотавра.
И, ротозей, седой бретёр не устерёт, увы, серёт с ушей кадавра.

Сольфеджио сплетающихся пальцев
И до-ре-ми трепещущих, алкая, языков.
Мне чужд напев под тамбуринов поющих песни постояльцев,
Но родствен хор нестройно воющих клыков.

Секвенция Арктур. Примат Аккад. Торпедный залп ханжи
из Алкамейды.
Сестерций Сой-беды за завтраком прокручивает слайды.
Священное семейство Сатраджит бежит в пургу песка пещер Ал-
Кейды,
А парти пипл развлекают короля, покуда он залечивает заеды.

Мне Рихтершпиль укажет путь на запад.
Мне Рэт Тэт Тэт испишет спину буквами причин.
Мне щипать хлебать с вершин холмов ниспослан лапоть.
И крив мой рот и нож мой перочинн.

Ах, милая, налей-ка мне вина,
Устал бросать я в мир пустыя семена!

Нить

Припорошило снежком
Статую Ворошилова с [ре] мешком.
Пританцовывая, спешу.
Несу в кармане ватника анашу.

Несу чушь собачью. Ах-инея-сколько!
Не переборщить бы, перелопачивая неоплаченное.
Наигранное самообладание интеллигентного алкоголика
Поможет околпаченному войти в расконопаченное.

Пригрозило витиеватым ферзём —
Маслеглазо радеем и ртами немymi грызём чернозём.
Тыкая во чужой огород грубо тёсанным тыном,
Сын нащупает в шортах алтын на пристенок с Мартыном.

Капля по капле вгрызается камнеточиной.
Очень хочется пронестись козодоем по огненной меже.
Страны Бенелюкса несутся в тысячелетие беспотолоченно,
Бесполая стеклянная лягушка выстреливает металлические
драже.

Поприпудрило мозги снежком.
Йети жмёт из кустов в направлении винника.
Тошка, открывши варезку, напихивает её сомнительным
пирожком,
Мартын зачитывается биографией Михаила Ботвинника.

Человекочасы превращаются в закодированные гигабайты.
Киловатты утекают через выхлопную трубу в соседствующий
с нашим мир.
С петухами встают гастарбайтеры, дабы отправиться на свои
гастарбайты.
Аристократы духа, надевши халаты, дегустируют токайское или
Кюрдомир.

.
. .
.

Позатерялась в рыжей бороде бога Локи красная нить.
Тройке, ямщик которой спяну выпал в ночную вьюгу, некуда более
спешить...

Один день из жизни поэта Лизоблюдова

«Начнём же с новой страницы. Выйдем в астрал,
Мбзги запудрив из пудреницы малахитовой соратникам и себе.
Накурившись кокнара, на дудке выводит мелодию заунывности
аксакал,
С двумя волосками, торчащими из бородавки на верхней губе.

Выйдем в астрал и начнём же с новой страницы,
Из малахитовой пудреницы соратникам и себе запудрив мбзги.
Заря нового трудового дня поджигает задором поля, хутора
и станицы.
Поэты уже почистили водкой зубы и пишут готическим шрифтом
лозунги.

Видимо, кто-то подбросил угля в паровозную топку.
Мы ощутим набирание скорости сквозь повизгивание ветра
в приоткрытом окне.
Жозефина проснётся и будет навязывать моему лобку свою
сексапильную попку.
А я буду долго нащупывать указательным пальцем прыщики на её
спортивной спине». —

Так, перегнав из пустого в порожнее эти двенадцать строк,
Ознаменую приход нового дня я, дописав, кое-как, и последние
эти четыре.
И, хотя не уехала крыша, но стены раздвинулись и съехал
на сторону потолок,
Анфилады галактик добавив к моей тесноватой квартире.

Глаза Минервы

Слова – не патроны
Слова – не очки, которые набирают
Слова – не воробы, которых отстреливают бойскауты
Слова – не клочки ваты в ушах

Слова – не индукция абсорбированного самоосознания
Слова – не партия в крокет
Слова – не голубой попугай на левом плече боцмана
Слова – не туман яacobинства на гребне молвы

Корни – уходят глубоко под пол
Корни – не листья, зелень которых лижет язык солнц
Свобода – это осознанная необходимость – выпить пунша
Свобода – это не дули в карманах и не канделябр

Любовь – не водолазная маска, растворившаяся в бутылке рома
Любовь – не каскад арамейских слов
Любовь – это цикута в золотом бокале
Любовь – это изъятый из обращения червонец в альбоме коллекционера

С переплётом из матовой чёрной кожи, из коей...
Притушенными угольками поблёскивают миндалевидные глаза
Минервы.

Hieroglyphique

Танцы с красным мячом.
Мексиканцы с мачете, японцы с мечом.
Говорили в ладони, горланили гимны – шёпотом.
Детский лепет перемежали гусиными перьями и куриным
клёкотом.

Испанцы с синими обручами.
Лапландцы с фиолетовыми облаками в пластиковых пакетах.
Голландцы, ноги свои холщуще-лелеющие холщовыми онучами,
После – танцующие ча-ча на вощёных паркетах.

Аэропланы плывут в небесобетованности.
Метеорологи ловят бабочек сачками а ля Владимир Набоков.
Всякая всячина спит и видит сны про странные пространства.
Придворный слон наступил на замешкавшегося сборщика податей
и налогов.

Числа Фибоначчи,
Рассыпанные, бесхозно самоаннигилируются во
Всепожирающий, мембраною вибрирующий нуль.
Служебная записка повытчику от подьячего
По выходе из шреддера последними граммами заполнит забитый
бумагой куль,
Готовый теперь к выбросу в мусор.

Дверь, распахнутая настежь, представляет взору покрытого тиной
Лешего,
Изрешечённого очередями пуль.
Слепая метель замечает мой иероглиф, словно подвыпившего
приезжего —
Пустивший в столице корни и мнящий себя хозяином жизни
приезжий-мусор.

Креазот

Колченогий кентавр подаяния просит в нью-йоркском метро.
Из брюшной полости распоротого кадавра вытаскивают мешки
с белым.
Я устал подливать Гиппократу в серебряный кубок его голубое
ситро.
Антикварный зайчонок в зрачке моём классифицирует доктора
«оголубелым».

Древесину пропитывает креазот.
Пятиконечная звезда, перевернутая вверх тормашками,
Символизирует приход дьявола в каменноугольные чертоги.

Лысину первого заместителя покрывает крупными каплями пот.
Снегоочистители на его очках застыли и поросли одуванчиками
и ромашками,
Пока секретарша гусиным пером зататуировывает его вызванные
спонтанным самовозгоранием ожоги.

Фердинанд зажуёт черносливом предошущение гибели нации.
Сигизмунд на подтяжках повесится, в бешенстве
от несостоявшейся коронации.
Сосипатр откозыряет собравшейся его отсодомизировать
сороконожке.
Сунь Ятсен нам скабрезно подмигивает с матовой суперобложки.

Птичий язык осени зашифровывает музыку декаданса в винил
садовой дорожки...

Любовь и Ангелы. Часть I

Семь тел на татами: женщина и шестеро мужчин – оргия.
Жених влетел в квартиру с цветами, с ленточкой ордена Св.
Георгия.
Невесту искали долго и неспеша. Отыскав, выдали замуж
за семерых.
Севостьян, заскучав в тёплой компании, вышел на улицу поискать
свидетелей-понятых.

Сел осёл на вертел. Ветер осел в вертепе. Теперь ветру весело.
Внутри меня – пусто, грустно, похрустывает квашеная капуста,
горит белая злость.
Сырые, ввергнуты вверх тормашками в экзистенса гниющее
месиво.
Тело отбрасывает голову, словно бриллиантовый набалдашник –
классово сознательная бамбуковая трость.

Боль – горлом. Орёл мог бы многого. Член, посыпанный
кокаином – в логово.
Я разбил руку о стену, вычитывая подстрочные комментарии
из законного.
Карма шарманщика, зев почтового ящика, ящерица,
татуированная внизу живота.
Садист – по матери, душит мазохиста на кровати и хлещет плёткой
попавшегося под руку кота.

Были, потели, икали, шарахались от собственного маразма.
Потусовались, выпили, покурили анаши, осталась – молью
траченная протоплазма.
Остались строки, нечленораздельные звуки, старые брюки,
челюсти в стаканах.
И теперь нас по очереди трахают рогатокрылые ангелы в чёрных
гетрах и розовых сарафанах...

Любовь и Ангелы. Часть II

Чёрная синь, жёлтая сыпь, кожа пергаментная.
Небо – бесконечно, как его высочество одиночество без имени-отчества.
Геометрия – перманентно-тюремная; музыка – соответственно – камерная.
Седой старик в углу, сидя в луже мочи, бормочет пророчества.

Дали по морде в Латинском квартале, огрѣбши, уносишь домой ноги.
Старая шлюха в моей пропитавшейся потом постели ломает комедию недотроги.
Вселенский клитор заплакал звѣздами, главы держав обменялись коммюнике и пѣздами.
Евнух любит страусиными яйцами, словно кукушка – гнѣздами.

Чистая блажь, грязные трусы в чемодане коммивояжѣра.
Сопливый мальчишка пытается разбудить мѣртвое либидо дядь Жоры: дядь Жора, а, дядь Жора, ну, дядь Жора!
Хрен не слаще редьки, горек яд, струящийся в глотки голых голодных наяд.
Ну, а то, что мне сегодня светит оттрахать в задницу ангела, это навряд.

Кубатура яйца

Институтка обвивает ногами цилиндрический субстратум,
Падающий на постель сквозь окошко в наклонно-покатом потолке.
Цифровые карты галактик перекочёвывают на её белую кожу.

Поп Вергилий Васильевич Вермишелин в своём приходе слышит
кастратом.

Вселенская ядерная затворница вешается на кушаке
В то время как кавалергарды расписывают фломастерами
прихожую.

Бич Божий, предводитель гуннов, вытоптал траву в одной
четверти поля зрения Вишну.

Кок колол колом колокол, Винт выл волком.

Картина «Кубатура яйца» требовала отточности деталей
и зримой конкретики.

Шарлемань кажет пружинистый кукиш в стиле «лампочка Ильича,
зааркавившего на обещание светлого будущего Ильичичну».

В ответ ворогу Светлейшая именуется пестуемый ею помёт
Святополком,

Выдаивая архитектурную мощь из переизданного учебника
арифметики.

Д-р Корг вывел имя трактата как «Проблематика современной
умалишённости в трёх фазах».

Судмедэксперт долго поил илом Нила г-на Корнелиуса
Клотильдина.

Я в который раз разочаровался в уворованных у Хранителей Ночи
фразах

И свой талон на трижды услышанное выменял на углу у слепого
на однажды увиденное.

.
. .
.

Я в который раз нажал на педаль бульбулятора.

Ты в который раз сыплешь специи на мои незажившие раны.

Дома я повесил разноцветные бирки на невымытые стаканы

И занялся систематизацией различий погодных условий
Урюпинска и Улан-Батора.

Я в который раз оказываюсь шутком, умершим от разрыва сердца.

Ты в который раз читаешь молитвы в постели с каким-то
мерзавцем.

Я в который раз восполняю твои запасы соли и перца,

Воображая, как ты слезаешь с креста, перед тем, как ему отдаться.

Поэма о Поэме Поэм

Мне написать бы Поэму Поэм – шестьдесят две тысячи пятьсот
Шестнадцатистиший, миллион строк!
Но такую глыбу сдвинет не каждый себя уважающий рифмоплёт.
Экой же надо было бы выдоить из себя, чёрт подери, словесный
брусок.

Мне – расписать бы Купол Неба картиной из жития олимпийских
богов,
Занимающихся и не снившимся простым смертным развратом.
Мне... в санки запрячь бы стайку изголодавшихся тамбовских
волков,
Помнящих победу хана Батыя над Евпатием Коловратом.

Вам – куролесить и бедокурить, кости и пепел сыпля в кувшинчик.
Нам – кровью овцы, принесённой в жертву, писать поэмы
и фрески.
Вам – до боли в глазах наблюдать, как, с Ариадны снимая лифчик
(Медленно, миллиметр за миллиметром), рисуем мы ей на груди
замысловатые арабески.

Мне – факелами разрывать черноту ночи посреди пляшущего
племени.
Мне – с филологами разглядывать в лупу волосы бритых ног Керн
Анны Петровны.
Мне на Поэму Поэм, скорее всего, просто не хватит времени.
Поэма Поэм – явно из тех вещей, что, по определению, условны.

Мне написать бы Песнь Песней, да уж написано. Берусь двумя
руками за
Айсберг ассоциации всех ассоциаций.
Я стекленею в пространстве и из правой ноздри моей вытекает
золотая слеза,
Некогда избежавшая экспроприацию экспроприаций.

Пенсне

Что вы там, братья мои, выпариваете из солутана?
Что видите вы сквозь пустые глазницы бетонных коробок?
Саймон сцапал на Ибэй надтреснутое пенсне последнего
турецкого султана.
«Съел тот, кто смел. Голоден тот, кто робок».

Чурка стреножил болванку, тачает при свете примуса.
Бронсон Арройо держит разрыв в счёте в 5 очков.
В чайхане люд взволнованно обсуждают события в спальне
генералиссимуса.
Винни Пух, что Брюс Ли в «Выходе Дракона», теряется
в зеркальности отражений великого множества Пятачков.

Вовочка раздумывает, податься ему в неонацисты ли,
в кришнаиты.
Сара Бернар обмахивается веером из перьев вымершей птицы
дронт.
Вымершая птица дронт безуспешно пытается сформировать лигу
своей защиты,
После садится в утлую лодку и уплывает за горизонт...

Сладострастно слизывать молоко, не обсохшее на губах
лейтенанта.
Наблюдать вращение бронированного квазициклометакатаклизма
в белом.
Карлик в телевизоре до смерти забивает жену фаллосом,
достойным атланта,
Напевая старинный госпел о сломанном, который не хочет быть
целым.

Что вы там, братья мои, выпариваете на картонку?
Что выплакал вам юродивый с кастаньетами сквозь
водопроводную ржу?
Город сбрасывает с себя лето, словно прогнивший зуб – золотую
коронку.
Знаешь... змеиная ложь твоих текстовых сообщений очевидна
даже налысо выбритому ежу.

Сатир

[1]

Я поднял чёрный вихорь слов
Из тех, к которым не готов.
Я гнал по небу стаи птиц.
Я гнал сквозь спальню группы лиц.

Я гнал волну – на острова.
Я стриг овец и жёг дрова,
Вплетал шитьё кобыле в хвост,
Залёгши в хворосте, прохвост.

Кому настурций, горных трав,
Кому-то – дым, проволхвовав.
Весь – вестник труб и тамбуринов,
Что твой Брюс Ли, гардемарин.

Я верил в меру и в клавир,
Сатрап Приапии, сатир.
Я поднял чёрный вихорь букв.
Я, Нэт Кинг Коул. Я, Ванька Жуков.

...

Как чёрных слов идёт на нас волна...
Я – глух и нем, намёком слуха полн.
Мне весел час, яснее песнь сна
Затем, что ранним утром утл чёлн.

[2]

зима узлов в сетях причин,
треух истца и рог олений.
неизмеримость величин
остекленелых сочленений

затем стремим стрелу затей,
что нет уж сил в поту стрематься
остервенеет грамотей
в порыве страстных сублимаций

и ты б сорвал аплодисмент,
как зрелый персик преступлений
вылепливая промискуитет
окаменелых сочленений

обескуражив клан вахтёрш

и взбаламутив бандерш лигу
французу – масло, финну – нож
оставив, другу-греку – фигу

заматерелый истукан
в саду из царственных камелий
весь околдован, изыскав
одревенелых сочленений

ты, спорадически дробя
себя на части, ерипенясь,
сопротивленью истребя,
дал миру стих и толстый пенис!

Кризис жанра

*

О, интегратор, в плавках на балконе
Сигарой в небо-море ты пыхтишь...
На острове царит такая тишь,
(Что, пробеги по листьям пальмы мышь...)
Что твой массивный кукиш с маслом – крем-де-шиш —
Не сдвинет с места мухи на плафоне...

*

Безумен Тор. Корона – набекрень,
Течёт вино из рукавов кафтана.
В подвязках фрейлин копошатся вши.
Под париками – признаки парши...

*

Кризис жанра.
Кожура банана под чёрным сапогом жандарма Жана.
Твёрдый шанкр бонвивана.
Твёрдый шаг лейтенанта, казарма которому несказанна.
Осязание фавна
В предвкушении плотских утех на полянке.
Сладко-сладко храпит Николавна
О вожде,
На часок заглянувшем к смолянке
Или о том, что делает селянин селянке
На возделанной ниве,
На десятой делянке.
Пересохшая глотка пиита молит о пиве,
Как высохшая за мучительно долгое лето прерия
Молит безоблачное небо о дожде
И как разбухшая, переполненная разношёрстными племенами
империя
Молит об освобожде

Пятно Роршаха

Футуролингва, Роршаха пятно.
Взрыв ощущений, море новых тем.
Мы по колени в нём, наверное, затем,
Чтоб разорвать в цепи хотя б одно звено.

Я, голосов не слыша много дней,
Сегодня, кажется, услышал издалёка.
Попробуй, Герман, не осатаней,
Весь день мотая плёнку, а под ней
Пока ещё проступит подоплёка.

Что метод, брат Дедеканандр?
Атака фраз, глоссыды аллегорий.
Что форма, ситный друг Егорий? —
Напрягший фибры-жабры Ихтиандр,

Он монстрами растерзан и распят,
Использован и в ванну брошен, мокрым.
И, воскурив ещё стекла, и тесть и свёкор
Его теперь невестой обрядят.

Царь Тьмы, на этносов панно
Свой дикий глаз тарашит желтопламен
И левое крыло его дрожит.
Слюна по шее жилистой бежит
И буквы, нечто вроде «Тотен-Хамен»
Татуированны, сливаются в одно
Расплёсканное Роршаха пятно.

А что пиит? Как будто з глузду зъихав,
Кропит чернилами («что вижу – то пою»)
Стишки при слепо тлеющей лучине
В засаленную книжицу свою,
Не зная, ждать награды иль петли,
Забыв, в какой сегодня он личине,
Аспушкин ли, Лжедмитрий Пригов
Ли.

Как русский, немец, янки и француз,
Как тройка, туз и магия семёрки,
Так точно заяц, сокол и медведь.
Как груздь подъялочный, осклизел и кургуз,
Как зад нашкодившего в ожиданьи порки,
Мы верим, так проступит смысл, ведь —

Аршином в десять тысяч ли
Мы землемерили едва ли.
Пришли, попарились, ушли,
Ногтём царапнув сонмище реалий.

Костёр, гори, покуда длится ночь,
Ночь, длись, покуда длится пламень.
Сварог, танцуя, хороводит дочь.
Вольтер с моста бросает в Сену камень.

Так пятна смысла высыпят на кожу
И обомлеет, глядя в них сквозь лупу, Роршах...

Путь на юг

Предо мною простиралась масса чёрт знает чего, сосредоточенная донельзя-навзрыд.

Около нас отиралися личности, многожды бывшие в употреблении.

Купив в магазине пред наступлением Халловина накладную бороду и пару жовтоблакитных ланит,

Напяливал я и лапти, предварительно тщательно выпачканные в удобрении.

И я говорил с тобою – сам не знаю, о чём.

И, как в фильме «Матрица», наши выходы были выложены кирпичом.

И ты говорила со мною, голосом дьяволицы, о перевоплощеньи вещей.

И мы бежали с тобой улицами и переулками этого города, словно от энцефалитных клещей.

Так сделай мне милость, бэйби, наковырай мне с полпуда вяленых катышков.

Не бросай друга в беде, милая, не поминай лихом моих недотыкомок-посошков.

В разлуке, как в проруби, голубь мой, ангел мой. Десь тыщ розовых выюг.

Безымянные звуковые дорожки из космоса, детка, укажут нам беспроволочный путь на юг.

Вертолётчица, опростоволосившись, юная, ты тщетно ищешь свою иглу.

Стог пахнет травами сочных лугов, статуэтка моя, на которых пасться лишь сохатым.

Я заученным по фильмам ужасов движением завожу только что купленную электропилу,

И позирую для твоей картины, предварительно озаглавленной «Русско-американский еврейский Геракл, расщепляющий атом».

Театр Мажестик

Звёздочка, под ней – стишок. Под стишком – звёздочка.
Ёлочка, под ней – мешок. А в мешке – ошейник, плёточка.
А в ошейнике – шейка, тонкая, кожи перламутр.
Чёрная помада, бритая головка, сонм моих бессонных утр.

Истины игла запрятана в хрустальное яйцо.
Хара Кириленко, ремешком за спиной свяжу тебе я руки.
Золотым дождём тебя омою, разбивая бег струи о твоё лицо.
А вкусивши игр, мы с тобою зачитаемся Харуки.

Палочка, над ней – точка, ёлы. Вилы по воде – аква-письменность.
Свечечка едва-едва теплится. Нолик обрамляет крестик.
Окнами на южную сторону взирает дом в окрестную лиственность.
Он среди своих именуется «Театр Мажестик».

Пестик в колоколе, в яблоке Адамовом – червячок-с.
С парадигмой движется по фазе в танце – новый парадокс.
Как верёвочке ни виться, знай, мотай на ус.
Заинтересуется полиция штрипками твоих рейтуз.

Чёрточка, под ней – штришок. Под штришком – точка.
«Фишка» трудится, землю носом роя, чтобы стать синонимом термина «примочка».
Отражает зеркало беспристрастно красоту твою, омытую золотым дождём.
Мы с мумификацией твоей сегодня малость подождём.

Веточка, на ней – почка.
Корешок, вершок, крапива – к семени.
Тычинка и к ней, как водится, пестик.

На дворе – бессонная ночка.
И, Титаником, тонет в океане времени
Мой Мажестик.

ПТИЧИЙ ЯЗЫК

Капли росы отражают окрестности и друг друга.
Бесконечный калейдоскоп отражений.
Между отцом и внуком, между сынами Востока и Юга
Крепок предутренный сон, вожделеющий изнеможений.

Крепок узор сети превращенческих логик.
Горностаевой мантией ты прикроешь мою наготу.
Лаптем хлебная щи, царь параллельно читает только что
присланную бересту.
Взором пронзая толщу столетий, через плечо подглядывает
историк.

Пива и женщин. Хлеба и зрелищ.
Кабальеро уносит качан капусты, запахиваясь в ниспадающие
полы плаща.
Жнец вытатуировывает себе на ноге сакраментальное «Что
посеешь...»
Железная галка уносит в осенний туман серебряное стилло Ирода,
крыльями ржаво-несмазанными скрежеща.

Ты – медленно снимаешь лифчик и, склонив голову, нервически
покусываешь губы.
Он – выжидательно помахивает хлыстиком около своих
отутюженных галифе.
Каудильо, выйдя на площадь, совершает тщательно
инсценированное аутодафе.
Ангелы спонтанно совокупаются и дуют в бумажные трубы.

Между стаканом и косяком – птиц, красочно пересекающих
японское небо моей светёлки,
Проплывают аквариумные рыбки.
Мясо, свисающее с боков голой реальности, выбежавшей в поле,
жрут тощия серые волки.
Их силуэты и зябки и зыбки.

С эффектом в городе сонном, приморском внезапно грохнувшей
взрывом гранаты
Сетевой вирус поражает род человеческий, передаваясь через
кудлатых птах.
Я изъясняюсь с тобой исключительно на наречьи пернатых:
«Милая, зы шо намедни такелово нащербетах!»

Минус тридцать один

Дуй же, дуй до горы, о горбатая Фи, понукая есей.
Янукарий городит ворота в твои чреслеса, фараон-фарисей.
Корифеи фланируют, фоном-феерией жирных ферзей,
Лишь доносится пощелк клестов да касторовый скрип прохарей.

Корнеплод саблезуб. Гипрогор близорук. Болеслав, часослов
Отложив, погружается в метафизику литургических песнопений.
Янукарий, инструментарий выгородив из фараоновых чреслесов,
Колдовством-ворожкой замечает следы преступлений.

Укрывает метель каллиграфию свежих следов на снегу,
А меня всё несут чёрт-те знает какие причины в ночную пургу.
Минус тридцать один на термометре, вечность – на ржавых
курантах.
Вермишель на ушах, строки Дао де цзин – в транспарантах...

Ключи от рая. Часть I

я должен победить примат рифмы над метафорой
мой фтор – фарфоровый
в моей постели – Захар Архимедов с тётёй Глафирой Суворовой

я встревожен лукавым мудрствованием мужей государства
я рисую окошки на чёрной стене белой кровью уколотого иглой
сарказма пальцем
исполосованы бичами тела подвешенных за сиськи цепями

горсти кусков горгонзолы сыплются в глотки бесов
рукомясло мужеложества передаётся от курчавого к хвостатому
призрачность античности в мраморной оргии гениталий

я сложен – грудой в углу
ты сложен – как юный бог-вакх
я сложен – простота, к сожалению, испарилась в ночную мглу
остался должен – некое несоответствие в номерах

нечто такое – волосатое, серое, шевелится членами неподалёку
Зет Игреку парафразно обрисует геополитическую подоплёку
ямщик, в тройке серых в яблоках вдруг узревши дракона о трёх
головах,
быстро-пребыстро крестится и поминает нелёгкую

в тон вызвезденности небесной —
картина, «Гай и Тиберий Гракх»,
испещрённая зубодробительной отточенностью деталей

клю
чи от рая – в наших сердцах
передышка минутного паритета противоборствующих мраморных
гениталий

Ключи от рая. Часть II

Сисястые девы висят на ветвях, с ключами в простёртых пальцах.
«Жемчужная пыль» Хлебникова оседает на одревеневших
гостиничных постояльцах.

Новое измерение ускользает луной, которую тщится поймать
в реке обезьяна.

Стихотворчество – процесс изложения сущности совершенства
посредством посредственности изьяна.

Белая ворона среди красных ворон. Чёрные кружева под рясою
Ришелье.

Мухаметдинов переводит затвор Калашникова в середине июля.
Восемьдесят кругосветных дней, помноженные на двадцать тысяч
подводных лье,
Выстраивают кубатуру воображения Жюля.

Отложим поиски вчерашнего дня на завтра. Сегодня – пляс.
Пустимся во все тяжкие, лёгкие заполняя – розовым газом.
Микроскопическая мокрица пощёлкивает хитиновым каркасом,
глазом
Охватывая Вселенную магазина сыров и колбас.

Сисястые девы висят на крюках, истекая кровью на мрамор пола.
Брадатые братья о пилах и топорах ловятся в сети недремлющего
Интерпола.

Семь сороков Сумарокова, суммируясь, преобразуются
в 280 учётных единиц.

Альсан Сергеич, пред тем, как Вы сделали Третьяковского, я
падаю ниц.

Абиссинское танго

Пистолет-пулемёт поплёвывает пулями в парадонтозное пространство.

Серпантин дорог извинительно рассыпается перед местоблюстительским лимом.

Девочка Маша, цыкая сквозь нехватку зуба, наблюдает за тенью по имени Иеронимо.

Левая рука деда Василия ревнует к правой руке, укоряя за блядство.

Сиамские близнецы братья Гогошины, изобретшие двойственность духа,

Накладывают отпечаток на подрастающее поколение деревьев и трав.

Органы стука внимательно прислушиваются к сообщениям органов слуха,

После танцуют с арестованным танго и жарко шепчут на ухо «Let's make love».

Диск-жокей готовит историю Вселенной, посыпая солью дорожку иглы.

С пластинкой разделавшись, кидает в чёрный квадрат Малевича.

«Вот он весь я, суть есмь Андрей Иваныч, сын Ивана Андреича», —

Татуирует Андрей Иваныч китайскими иероглифами на коже своей мускулистой икры.

Лики двужопых чудовищ обступают Чапаева со всех мыслимых сторон.

Поэт Лизоблюдов выковыривает червя из глазного яблока мёртвого матадора.

Смазливый мальчик выходит из метафизического состояния Лаокоон

И погибает салазки обладателю в свете луны флюоресцирующего луидора.

Лом

Белый дождь
чёрный снег
сладкий яд
белый дом
серый лёд
розовый лом...
мы вдвоём
ты и я
яркие картины бытия
сон с весломмм...

Синий плед
тонкий лёд
белый шар
первый шаг
чёрный зонт
терпкий привкус на кончике языка
жизнь так бесконечно коротка...
из тени на свет
вы-сту-па-ет
налысо бритый ареопаг

Лето пот соль и пляж
томный взгляд, прядь волос
на волосок
полоски, плоские ступни, травяной колосок
щекочет ухо
я гляжу, ты идёшь
и под тобой
скри-пит по-то-лок,
лиловый архипелаг.

Белый дождь
ест чёрный песок, что ржа
белый бурнус
пробует синюю птицу
на вкус —
распотрошив, припечатай.
Сушь и гладь, летний зной
как на дрожжах, в поле восходит рожь
в доме звучит джаззз
И, похмельно дрожа,
фиолетовую нитку наматывает на ус
немой
соглядатай

Sala Bim

Додетабузировавшись до полной дeтабузации,
О чём остаётся петь, глоссолалией, гимны?
Разгерметизировавшись до полной разгерметизации,
Скрыпеть ли о том, что капли мочи вокруг унитаза нелегитимны?

Sassala bim откроет мне двери в пространства супратональных
фиксаций.

Демонологический изыск чудака на букву М взорвёт структуры
звезды на букву Пи.

Владимир заученными жестами препарирует нимфетку среди
инсектарных классификаций.

Юдифь, отведав магических сусел, блюёт на пол шумерскими
символами и рвётся с цепи.

В моём мире правит закон мифа.

Драма танцует пред ним в ореоле павлиньих перьев и огня.

Я хотел бы писать картины того, что видит военнопленный Чен,
когда его мозг обволакивает олифа.

А так, остаётся лишь любоваться всякими там «Марокканцами,
седлающими своего коня».

«Суть в том, что – а кто сказал, что есть суть и есть отсутствие
таковой?» —

Сяк рекло Извечное Чичас, глотая коньяк в угловом баре
в небезопасном районе.

Эта дискуссия, как вспоминали растерянные очевидцы, оказалась
для героя нашей трансляции роковой.

Самоед Сидоров умер, подавившись косточкой, оказавшейся
в курином бульоне.

Закр^ыто

Кровавой мокротой набито в прихожей корыто.
Развесистой клюквой поразбросала свои острова рассеянная
Океания.
Уборщица вышла и провозгласила сердито:
«Так что, господа пристяжные, ваше так называемое заседание
Афициально закрыто!»

Мениск

.
настырен день чем дальше в лес
тем шире шаг тем меньше ток
смерть рыбам жизнь песку который час
окончен бал увы прощай адъё
мы ртами рвём куски из розовых небес
и красное течёт из ртов у нас

.
алла акбар да фалун гонг шитьёмое
весна плотин в руке алтын
идёт плотва кинокартин
язык зеленый лепесток

.
игру ругает рук курок
я никогда не смог бы дать тебе зарок
ведь по натуре я повеса и игрок
открывши настежь двери выйдем за порок

.
волна челнов изба судеб туннель из саркофагов
я стёр свой мозг как непригодный диск
и я приветствую склонённых надо мною магов
подделав подпись и порвав мениск

.
удар в поддых сарказма яд сталь глаз и сладость слова fuck
вчера селёдка свой апломб поправ сегодня вверх тормашками
форшмак
чем дальше в лес тем шире шаг да меньше ток
и ночью в окна к ним смотрел стеклянный бог

Портрет Корнелия

Слышу, слышу волхвованье мхов я,
Медовухой опьянён.
Руки-реки растопырили верховья,
Космос мухой окрылён.

А под мухой – море – по колено.
Вброд лошадки белыя, вразброд.
Посреди лужайки вкопано полено.
Клоун шею рубит – эшафот.

Вижу, вижу свет в конце тоннеля я,
Околдован ворожкой.
Клей не клеит левый ус Корнелия,
Прёт у Карла Клара тубу и гобой.

А у Клары – на горбу – экслибрис.
Хитр рисунок, сонмище штрихов.
Цирк идёт, искрясь и эквилибриясь,
И, кривляясь, шьёт поэт стихов

Пук, сонетов, горы экзерсисов,
Лыко в стрóку, ибис в небесах.
Шьёт виньетку, вроде барбарисов,
Шьёт портрет – Корнелия в усах.

«За нитью нить...»

за нитью нить, словесная руда
за годом год, забей, какая ерунда
за карлой конокрад, а за средой, конечно, середка
за ханом хан, за хамом хам, злата орда
за полем пол за морем мор за просто так за милые глаза
слезлива и смазлива егоза
ты стрекоза, катит зима в твои чертоги злые холода
сглотнув слюну, сорвав парик, говоруну скажи немедленно «о да»

Чаепитие в Мытищах

Я соскрёб последнее с тарелки,
Мне теперь больше делать неча.
Что ж, крутить на циферблате стрелки,
Течь, покуда не всосёт предтеча.

Дай мне сил испить из этой чаши,
Что цикута? истолки алмаз!
Чан Кайши, отведавший чан каши,
Трёт во лбу проклюнувшийся глаз.

Не минует нас, ну что же, будь что будет.
Ты прости нам, сирым и убогим.
Что отнимешь, как-нибудь прибудет,
Удовлетворимся и немногим.

Нам, увы, отпущено немного.
Мы в миру, ей-богу, отпущенцы.
Хочется отца, седого, строгого.
Чтоб он был ди-джей, считал секвенции.

Чтобы он порвал в клочки квитанции,
Самовар заделал, бублики и мак.
Где же кружка, няня, где смотритель станции?
Где мой друг, бессмертный Телемак?!

Зима Стайвезанта

Снег за окном, снег на столе, снег на зеркале.
Гномы группами дефилируют промеж флангами.
Стрела из арбалета пронзает сердце юного Перкеле,
Жажда плотских утех атакует город поблескивающими факелами
фалангами.

Биточки во фритюре, обрамлённые шевелящимися усиками
гренадёров,
Гоголевский бараний бок с кашей в свежепорубленных
папоротниках и хвощах.
Швондер, кожанку сняв, сортирует трупы казнённых фрондёров.
Собакевич и Шариков застыли на страже в казнённых плащах.

Снег на перочинном ноже, снег на висках, льдинки в глазах
и в бокалах.

Дешёвая демагогия шьёт одежду бездомным детям из конфетных
обёрток.

Сенсимилия, туго затянутая в блестящую кожу, мало задумываясь
о сих малых,

Морщит лобик, решая, которую выбрать из плёток.

Стайвезант Пойндекстер, помахивая в воздухе фломастером,
Определит направление развития имперских колоний.

Иван Непомнящий вызовет в нас катарсис динамитно
взрывающимся Стратокастером,

А Новый Гамлет выменяет порцию героина на потёртый
мундирчик Мастера Церемоний.

Похититель метафор

«Тчк», «зпт» – мой язык телеграммы скупее.

ВЧК деревянными пальцами прячет резиновый член в плечевой портупее.

В этот час как представить мне нечто твоих губ сочнее, упруже, алее,

Похититель метафор, как ветер, гоняющий пух в тополиной аллее?

Рубероид ротонд, глазированный гонг, рококо суесловья.

Пикировка пигмеев, акриловый бонг, садомазо шелков твоего изголовья.

Поэтичен полёт стрекозы, прозаична лепёшка коровья.

Через тысячу лет кто сморгнёт оттого, что пытался по-новому зарифмовать злое слово «любовь» я?

КПП. ППШ юный Смерша агент наведёт на врага, вспоминая о Рихарде Зорге.

Наблюдая за ним, чертенята чумазые бросят чертить чертежи и забьются в восторге.

Наблюдая за ними, седой группенфюрер напишет романс о влюблённом профорге.

Наблюдая за ним, как же сладостно мне повторять ошарашенно имя твоё, Ингеборге!

Хирохито

«Добро пожаловать в космос», – скажет белобородый старец
в ниспадающем одеянии.

Поколения сосредоточенно думают о недоделанном предками
злодеянии.

Александр Александрович Александров 3-й рвёт на части
вяленого леща.

Пал Палыч Тетеревятников нежно поглаживает мини-русалку,
запрятанную в кармане плаща.

Ричард Ричардович Диксон написал кучу учебников
по английскому языку.

Борис Борисович Гребенщиков написал кучу песен об укладке
разного типа лыка в одну строку.

Киборг КО-098 сбросил с себя личину проститутки-воровки-
скокщицы.

Коллективное сознание артели корзищиков выехало
из Петербурга в Выборг и наутро проснулось на необитаемом
острове среди кипарисовой рощицы.

«В дырке от бублика легче дышится», – скажет Кубрику Рубик.

Крестик нолику даст многое, отняв малую толику. Тугрику даст
шелбан рублик.

Войг Тищерто обеспечит правильный угол преломления лазерного
луча.

Белесоголовые демоны с голубыми глазами на гибких стеблях
заставят неповоротливого бульдога по имени Хирохито задать
от меня стрекача.

Муравьед

Рюмки, опрокинутые по употреблении на тарелки – это рокенролл.

Молить ли попа Сидора об отпущении грехов вне очереди?

Святейший Синод старико-хоттабычевских аятолл

Пришьёт шкуру русского неубитого медведя к хвосту загнанной американской лошади.

Тонким хоботком муравьед высосет медок из сот мозга писателя.

Глубоким поклоном ответит напыщенный аристократ на вызывающую выходку самоходного миноискателя.

Сызмалетства беспредельничавший тиран Тристан Тридцать Третий

Выведет карликового единорога из клетки

На поводке.

Мадам Крокодилова, пронзающая огненным профилем толщ столетий,

Подавит волну недовольства взмахом могучей плети

В шестипалой руке.

Сирин войдёт ко мне, Алконост же прочтёт по складам приговор. Я удалюсь с ними, в таинственности ореоле.

Окрылённый, из ванной комнаты выскользнет весь увешанный цифрами Пифагор,

Чтобы в следующей серии всплыть на атомном ледоколе...

На пряник

Куцые фотокарточки пересыпаны крошкой махры.
Вохровцы раздеваются догола и треплют друг другу вихры.
Битые зеркала, поосыпавшись, плаваются в пули и щерятся
патронташами.
Дохнут стишата, распавшись на буквы, рассыпанные пьяными
метранпажами.

Пеною

Вязаные рукавицы сползают, гадины,
С пальцев наземь, клубясь нитяною.

Мельпоменю

Женщина, на голове из чьего венка Анфиноген плотоядно губами
отщипывает спелые виноградины,
Рекомендуется ослабившемуся Антиною.

Насколько мох меха волгл, настолько и щил дыр бур.

Последен, ложится штрих на картину «Циклоп и семь его нянек».
Насколько несвеж сей метафор строй, настолько и предсказуем
подразумеваемый далее каламбур,

О том, как заканчивает день Гамсун, сменивший свой кнут
на пряник.

Треугольник

[1]

Оксимагон, гони, гони скорей, коняку шпорами лягая!
Когда бы не было блядей, я шёл бы, стати полн, лягухам потакая.
А так? Куды, куды несёт нас ветер лимонных сингапуров?
Триумвират елды, балды, манды ведёт во врата ада мир гяуров.

Сердомифонт, заветам вняв твоим, мы притушили фитили
умильно.

Теперь не жить, лететь, стремиться ввысь, при том совокупляясь
изобильно.

А плексиглас, забудем ли о нём? Он о себе напомнить не забудет.
Мастилофил подхватит чернозём и, обомлев, свой зев
разъявленный застудит.

Квартиростьём, покорность пустоте. Какие, к лешему? да полноте,
не те

Координаты сняты денщику. И крыша на дому – тю-тю, и птаха
над гнездом уже – ку-ку.

Казалось бы, какие, к дьяволу, пророчества о чуде?

Зачучвернел непочатый творог и плесенью покрылся хрен
на блюде...

[2]

Голоса внутри меня, голоса

Песни про мороз, морозящий моего коня, полоса

Белая, перемежаемая полосой чёрной, одним словом, «зэбра».

Свобода – это всего лишь клетка: птицею – сердце, прутьями –
рёбра.

Нетверёзая, катится по щеке слеза

Мне ли, ретивому, о преходящести испечалиться?

В этой нощи августовской хочется дюже валету туза,

Да где же такому раскладу быть, коль отовсюду шестерки
скалятся?

Полоса размежевала нас, братие, полоса.

Двуперстие да образа, в скобку стриженные волоса.

Остерегуся ли дьявола целовать я в сладкую губ западную?

Сталь одиночества срежет зелёную поросль трепетных душ
на корню.

[3]

Доктор, пожалуйста, яду, такого, чтоб разом проснуться!

Аисты сути, вспорите подушку небес клювокрылостью стай.

Мне уж в печёнках сидит эта ваша улыбочка куца,

Солнцезащитное золото да шиншилловый горностаи.

Вам бы, мадам, не сигару топить в лучезарном абсенте,
Не тетиву арбалета оттягивать медленно, словно оргазм.
Дамбы в деревне Дебиловке густо замешаны на особенном
элементе,
Едком для глаз и открытом в курином помёте сметливым
спецназом.

До упомянутых выше печёнок озноб проберёт лиргероя.
«Поздно, оставим Боржоми» – сигналият они в перегруженный
мозг.
Ассоциаций цепочка «Пята Ахиллеса – 5 – 3 – трое – Троя»
Сплавлена в мусор, как давеча сорванный с мэрии лозунг.

Серебряный век

*Где Вы теперь? Кто Вам целует пальцы?
Куда ушел Ваш китайченок Ли?*

– А. Вертинский, «Лиловый негр»

Чернокожая вакханка-ночь вся усыпана блёстками звёзд.
Предписание от века: любить, оставляя в листах – проносящихся
лет отраженье.
Так игла патефона выводит мелодию, двигаясь по спирали борозд.
Так гадает, сверкая цыганистым зубом луны, знойнотелая ночь-
ворожея.

Вы в четверг распрощались с китайцем по имени Ли – поругались?
Вечер пятницы Вы провели, запивая – с малайцем – Кликко
бланманже.
Белокожая женщина-вамп, Вас в субботу своим портмоне
соблазнял португалец,
В воскресенье лиловый Абу подавал Вам манто, прикрывать
неглиже.

Змеевитая самка Юдифь, златокудрий самец Буреломов,
С головою – в любовь, словно в прорубь ныряют моржи.
Остолопов – взашей, зубоскалов – в расход, дармоедов – туда же,
куда дуроломов.
Ну, а мне остаётся «жи-ши – через и», не дрожи и держи и дыши
и пиши.

Старуха

*Оклеветан клеветами...
– Саши Соколов, «Палисандрия»*

Приди ко мне, старуха Гарпагон,
И пригвозди меня, как недоумка.
Мой граммофон, мой тетраграмматон,
Твои очки, и прелести, и сумка.

Спеши ко мне, армейский ловелас,
Секи меня, лампасами сияя.
Вчера Ламанческий, сегодня Карабас,
Ты – сон и снег, часы Кремля сверяя.

И, коль не сверг Апостол власть химер,
Твой брикабрак в затейливых узорах
Нам, малым сим, задастся дать пример
Как жить – в Разливе ль, на Азорах.

Приди, старуха, и забейся в шкаф,
Сквозь щель за танцем юнги наблюдая.
Когда б я был маститый эскулап,
Всё эскалопы лопал бы и разные блюда я.

Аффелаж

сестра моя, по пояс в круговерти
стоять недвижно, завлекая птиц
да день-деньской выстукивать QWERTY
вычитывая ЙЦУКЕН из страниц

сестра моя, семнадцатый мингрел
уже занёс заразу в лепрозорий
уже рогатку зарядил пострел
сын консистерий, писарь консисторий

сестра моя, воистину воскрес
мой друг Патрокл: сталь, резина, пластик
а с ним ко мне придёт и сам Зевес
зачуяв огонь весёлых оргиастик

сестра моя, четырежды судим,
судейский пристав пьёт анти-спазмотик
свети для нас, звезда Ерусалим,
сквозь лампы дискотек и библиотек

сестра моя, пробивши фюзеляж
уста примкнём к отверстию, алкая
калмык в степи обрящет аффелаж,
¹кумыс к каракалкам умыкая

¹ Аффелаж – термин, придуманный Енотом. Нам до сих пор не известно, что именно сей термин означает. Остается лишь догадываться, а сам Енота – молчит.

Анальная прислуга Люцифера

Вприпрыжку, большегубая, разлёт
Твоих бровей, и рот, поджатый холодно и властно.
Мультипликационный Ёшкин Кот
Тебя приветствует улыбкою схоласта.

Колибри ли? В Калабрии? Наврядли.
В Колумбии ли? В Умбрии ль? Химера.
При оскоплении соблюдёт обряд ли
Анальная прислуга Люцифера?

Анальная прислуга Люцифера...
Войдёт ли шпага в ножны офицера?
Наложницы и жёны старовера
Обведены нехитрой ложью лицемера.

Вчера ещё и грация и страсть,
Сегодня ты, Алисия, – премудрость.
Вчера, с поэтом в одеяло кутаясь,
Ты послезавтра наигралась всласть.

Ты – математик, мальчик Христофор.
Сомкнул уста с потомком Агасфера.
За твёрдой полусферой полусфера
В твоих трусах. Кикимор пьяных хор.

В Колумбии ли? В Триполи ли? Ли —
Десь тыщ отселе и дотуда.
Вы в земли новые, герои, занесли
Тот самый дар, который вам Гертруда.

Пока от кабака до сабантуя
Его высочество, напудрив нос, сигает,
С резиновым эректором флиртуя,
Прислуга то даёт, то отвергает.

Буквы

буквы в супе
запятые с ложки капают
и цветёт под солнцем лампы суп

и с ружьём, в енотовом тулупе
всё, стена, хлюпая, похрапывает
атаман и гетман козалуп

беспонтово гибнет леший в проруби
образуя в телесериале
брешь размером с брошь

полиэтиленовые голуби
над гнездом кукушки пролетали и роняли
где-то заарканенную вошь...

Два весла...

Два весла до весны
два посла до узды
два осла для езды
два окна дни огня три угла тление угля
спасение тонущего корабля в десять слов
осень сов восемь сот девять роз
глюки коз муки музыки связки узлов
крен лесов пара слов парафраз разматазз
ордэсвоэбл

Комментаторы

возвращение к корням
развращение огня в м
отвращение от травм
причащенье к хоругвям

пулемётный бутерброд
пистолетный маскарад
сребросабельный парад
спецназдрюченный афрунт

обольщенье юных дев
возвращенье оных лет
обещанье страшных кар
пресловутый дед макар

колумбийский кокаин
плексигласовый камин
шевиотовый тунец
принайтовленный истец

ускорение частиц
оцифрованных цариц
человек, жена, дитя
индикатор подкрутя

по реке плывёт ондатра
с ней четыре комментатора
девальвация рубля
сребросаблей порубля

Не и ни

Ни пива, ни вина, ни ста свечей,
Ни мятых сигаретных пачек.
Ни вил, ни гаечных ключей,
Ни топоров, ни пил, ни тачек.
Ни шоферов, ни конюхов, ни псов,
Ни мёртвых мух – по ним никто не плачет.
Ни конокрадов, ни царей, ни пастухов,
Ни звонарей, ни околоточных, ни прачек.
Нет слов, нет звуков, нет и нот,
Полнощных возли-излияний.
Нет иероглифов, пустот,
Непостоянства постоянной.
Нет ритмов, рифм нет, узлов,
Ни на руках, ни у лодыжек.
Нет пистолетов, пушек, слов.
Был Пушкин. Пушкин был, да вышел.

Нет происков врагов и нет врагов
И поисков врагов, уже ненужных.
Нет саркофагов, нищих и кротов,
Нет валенок, цирюльников, простуженных.
Нет осуждённых, умников, затей,
Нет кроликов, удавов и прорабов.
Нет ссученных, отвергнутых, детей
Немытых нет, убийц и баобабов.

Но есть ещё и порох, есть и пыж,
Напыжмися – найдём тебе и пулю.
Но есть горох и город и крепыш,
На белой лошади везущий в замок дулю.
Но есть – горох, картоху, сельдерей,
Свинины шмат сожри, баранью ногу.
Но есть Вергилий, эквилибр, хорей,
Есть звездолёт, причаливший к порогу.

А кто придёт при смене батарей,
Кому – айда – мотаться с пацанами?
А где притон пропащих вратарей,
Торгующих разбитыми сердцами?
А где: жетон, билет, миньет,
Где сфинкс, где сфинктер, плотский мир оргазма?
А вот идёт мужской кордебалет,
И с мышц стекает, с потом, протоплазма.

И нет уже ни пива ни вина.

Вины, истца, виновных, жертв и судей.
И нет уже ни рамы ни окна,
Ни законного, а есть лишь хрен на блюде.
И раки есть, а пива – как назло.
Лишь конфетти да брызги лимонада.
И Зевс бросает тонущим весло
И тянет в направлении Тринидада.

Пунктиром

Пунктиром между пошлостью и китчем
И огурцом между горчицей и кетчупом,
И огольцом, довольно оголтелым,
И голотелым, с двойственным концом.

Юнцом, когда бы не – морщинки глаз.
В подбрюшнике – скопление жироклеток.
Уж сед закоренелый водолаз,
Охочий до смазливых малолеток.

Вот пуповина меж вселенных параллельных.
По ней летит метафор строй и сцен постельных.
Пастель ландшафта, флейты пастораль,
Эммануэль, Мишель, а после – Паскуаль.

Рейсфедером по ватману скачки.
Как гибко, хищно тело женщины-гепарда!
На шелбаны играют простаки.
Во лбу у каждого – алмазная кокарда.

Концы в воде и пьяные юнцы.
Глаза кондуктора – миндалины на блюде.
Минуты три до выхода в сенцы.
Три мига до известия о чуде.

Три выдоха до третьих петухов.
Четыре такта до экстаза, bona fide.
Низам не достучаться до верхов,
Верхи шампанью запивают мидий.

И, радуго попробовав на вкус,
Сиди и заправляй носки в ботинки.
Макай в кефир печенья половинки.
Лапша с ушей, мотай её на ус...

Варвара и мистицизм

Надрезав ногтем белый шар,
Войдём в его сиянье белое.
Выгравирован твёрдый шанкр
На рукоятке в парабеллуме.

Там, в сердцевине, в церебеллуме,
Водитель тумблерами щёлкает,
Танцует шимми, пришепётывает,
Как ёлка, нашпигован клеммами.

Синдром Туретта – теоремами,
А василисков – аксиомами.
Дави ефрейторов – големами,
А небо – подпирай колоннами.

Пройди святого Витта пляскою
По всем фронтам с ассамблеями,
Сведи патрициев с плебеями,
Своей потрясывая ряскою,

Монашескою или же морскою.
Зажги идею дерзкою искрою.
Звезда моя, Варвара Гутентаг,
Вонзи в мой анус чёрно-белый штяг.

Зашей суровой ниткой белый шар,
Взашей прогнав себя за грань сиянья,
И в темноте затихни, причастившись знанья,
Шампанью затушив его пожар.

Варвара, передав Варнаве свечку,
Не суеверя, прикурив от пламени,
За ограбленьем, выдохнув колечко,
Вдруг, вздрогнув, вспомнит о секретном знании...

Легенда о Микки Маусе

Деревья бряцали жестяными жетонами лиственности,
Брехуны лопотали на картинно отмирающих наречиях.
Татуировщики татуировали татуировки на лодыжках, плечах
и предплечьях,
Писари писали письма о письменности и условности понятия
действительности.

Хохотуны хлопали и хлопотали о хлопчато-бумажной
промышленности,
Топтуны топали, лопали и лопотали о единственности троицы и её
двусмысленности.
Альма матер прославляла могущество фатерлянда и пела осанны
истеблишменту,
Племянницы же крутили попами в ритм неизбываемо
перманентному.

Прецедент, созданный совокупностью предпосылок
и обстоятельств,
Уподоблялся великой прилюдной порке, вызванной цепью мелких
кошунств и предательств.
Величественно витийствующий президент был до рези в мошонке
искренен и озабочен
Эффективностью коэффициента облапошиваемости империи,
облапошивать каковую он столь торжественно уполномочен.

«Обезьяна, игриво содомизирующая сторожевого пса» —
Панно, висящее в кабинете директора.
Сжатые тисками тел двух чёрных рабов обвислые чреслеса
Обозревает глаз, внезапно прорезавшийся на конце резинового
эректора.
Белкин-Стрелкин, выпущенный из жёлтого дома,
Носится меж домами терпимости, аки камень, выстреленный
из пращи.
Нестор Гуляй-Поле решает жить по к/ф «Сало, или 120 дней
Содома»
И принимает новое имя Пьер-Паоло (Пётр Павлович) Ищи-
Свищи.

Полуголый чертёнок, прыгающий и дергающийся под музыку хаус,
Чувствует на себе голодные взгляды клубных акул обоих полов.
Дед Савелий, проснувшись среди ночи на складе, выпалит во тьму
из обоих стволов.
А наутро к железнодорожному полотну доползёт обескровленный
Микки Маус.

Эврика

Слепая эврика, Орфей и Евридика.
Гертруда рамы в окнах выбила, гляди-ка.
Триумвират подагры и упадка сил:
Геронтократ, кинокефал, эребофил.

Безгласый певчий, кормчий пустоты.
Безусый возникший и стряпчий простоты.
Конец бродяжничества, гуканья в кустах.
Сонм жезлов, строящийся кубово, ветвящийся фельдфебель
Кабыстах.

Сезам, откройся нам, напетый вальс ноль-перст.
Сумма слагаемых и склонность к перемене мест.
Коль скоро карма заряжает русскую рулетку,
На Трафальгарской площади стрела любви пронзит и Мурзику
жилетку.

Законы физики, кентавры Таормины.
Как сладок сон, как, ей же ей, и взрывы кетаминны.
И, прохиндей, снедаем, воровато,
И три семнадцатых ему, и «домо аригато».

Весло сломалось об асфальт воды.
В ведре реальности пробита брешь размером с ручку
от сковороды.
Я так хотел бы осязать банальность красоты твоих телес.
Я долго шарил за деревьями, но мне, увы, не суждено за ними
обнаружить базилевс.

В раструбе

Когда одиночество прожигает дыры в коже и тело твоё плачет
гноем

Когда псы воют волками в своих конурах, и тьма отвечает им
волчьим воем

Когда в раструбе уже не осталось метафор, а иносказание
оборачивается геморроем

Когда мы сидим бьём в барабаны, сидим-рядим, сидим-
доминошим, сидим и воем

.

.

.

Это как вставать на лыжи во время дождя

Это как пестовать в себе хунвейбина, при этом самосодомизируясь
и живородя

Это как гулять по столице Австрии, наяривая на баяне

Это как жарить мухоморы в Тридевятом царстве, сев на иглу
на острове Буяне

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.